

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 36

1984

Анатолий ПАРПАРА

*РАЗДУМЬЕ
О РОДИНЕ*

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 36

Анатолий ПАРПАРА

РАЗДУМЬЕ О РОДИНЕ

ЛИРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Анатолий ПАРПАРА

Анатолий Анатольевич Парпара родился 15 июля 1940 года в Москве в рабочей семье. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор пяти поэтических книг и одной исторической драмы в стихах. А. Парпара часто публикует свои переводы поэзии с языков братских литератур и социалистических стран. Его стихи переводились как в нашей стране, так и за рубежом.

Лауреат премии «Огонька» за 1977 год.

* * *

Какое глубокое небо над милой Отчизной моей,
Какая высокая правда восходит от этих полей!
Какая спокойная мудрость в просторах ее разлита,
Какая моей Отчизны безмерная доброта!
Какие бывали уроки предательства и клеветы,
Какие познала глубины и голода и нищеты!
Какие смогла испытанья Отчизна моя перенести,
Но, стойкая, сохранила и гордость свою и честь!
Какие жестокие были смогла бы она рассказать
О тех, кто веками хотели насиловать, жечь и топтать!
Какие суровые были враги рассказать бы смогли,
Когда бы вернуться сумели с просторов великой земли!
Над жизнью страны размышляя, я думаю иногда,
Как радостно, что Отчизна так солнечна и молода!
И все же глубокое небо над милой Отчизной моей,
И все же высокая правда восходит от этих полей!

КАТУНЬ

«Катунь, Катунь, свирепая река».
Н. Рубцов.

Я прихожу, уже не юн,
Но горестной тревогой юный,
Туда, где грустная Катунь
Перебирает молча струны.

Где много-много лет назад
Стоял, задумчиво внимая
Ее игре,
Мой старший брат,
Своей судьбы еще не зная.

Но в силе дара убежден
И жаждою творить томимый,
Уже задумывался он
О судьбах Родины любимой.

Потом придет издалека
Другой поэт, талантом схожий,
И грустно-струйная река
Его напевом растрожит.

Из северной придет страны
Вослед движению народа,
Чтоб убедиться: здесь вольны
Свобода, люди и природа.

И не захочет уезжать...
Но все ж, нуждой гонимый, втуне
Успеет строки записать
О нраве яростном Катуня.

И сколько юных, может быть,
Придут сюда извлечь уроки!
Быть может, лучшие сложить
Сумеют о Катуня строки.

Но каждый пусть, душой красив,
Припомнит словом,
Как присловье,
О двух больших певцах Руси:
О Шукшине и о Рубцове.

* * *

Всмотрись в этот солнечный полдень,
Ты видишь его торжество.
Запомни себя в нем.
Заполни
Величием чуда сего
Всю душу свою. И сознание
Настрой на взволнованный лад...

Как все ж велико мирозданье,
Как звезды в нем гулко летят,
Как яростны в нем катаклизмы,
Как звездные вспышки страшны,
Которые мы, атеисты,
Чуть-чуть упредить не вольны...

Как должное жизнь принимая,
Огнем быстротечным горю,
И радуюсь я, понимая,
Как трудно сейчас сентябрю
Сиять этим солнечным полднем,
Из жизни навек уходя...
Мы вспомним его.
Мы вспомним
В часы проливного дождя.

РАЗДУМЬЕ О РОДИНЕ

Выносит тихая полночная дорога
На холм большой в густую синеву,
И я сажусь, чтоб отдохнуть немного,
В глубокую и нежную траву.
И слышно мне, как на лесных рябинах
Росой полощут горло соловьи,
И начинают в честь своих любимых
Лирические, звонкие бои...
И слышно мне, как в понизовье где-то
Проходит осыпь яблочных плодов,
Как будто бьет в тугую грудь планеты
Крутой волною океан садов...
Земля моя! Дивлюсь твоим истокам,
Преодолевшим тысячи скорбей
От старины, былинной и далекой,
До жуткой были памяти моей.
Какие смерчи жгли твои отавы,
И смерть жестокий предъявляла счет,
Но в рост великий выгоняешь травы
И наделяешь мужеством народ!
И памятуя боли лихолетья,
Не помнишь ты, сердечная, о зле...
Россия, Русь, цветы тысячелетья
И радуй всех живущих на земле!

ПСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Ветрами отшлифован известняк,
В бойницы смотрит небо голубое.
Сюда не раз пройти пытался враг,
Но гибелью грозило поле боя.
Мой умный предок, зодчий и стратег,
Умел поставить волю против воли.
Который век, уже который век
О древний кремль, как волны, бьются войны!
Но он умел, оратай и боец,
Своими работающими руками
На фоне серых башен и бойниц
Такую лепоту создать из камня,
Что я смотрю, восторга не тая,
Как движется, благословен веками,
И славлю лебедь белую кремля
Беззвучными от немоты словами.

РЯБИНА ПОБЕДЫ

Может, кого-то, и небеспричинно,
Насторожит, если я назову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.
Это сравненье сорвалось невольно,
Но не назвать я его не могу:
Красные ягоды — зрелости зерна,
Красная песня на синем снегу.
Красная краска — цвет памяти сердца!
Кровь и пожары смоленской земли
Так опалили суровое детство,
Что обесцветить года не смогли.
Как мы салюты Победы любили!
И называли — я не солгу! —
Красными гроздьями спелой рябины
Красные взрывы на белом снегу.
Но, не замкнувшись в виденьях суровых,
Мне понимать было сердцем дано:
Красная девица, красное слово,
Красная площадь — в значеньи красно.
Как понимаете, небеспричинно
С давнего детства теперь я зову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.

НОЧЬ ВЕТЕРАНА

...И снова солдатским пилоткам
Лежать в покрасневшей пыли.
И снова вгрызаться в высоту —
Горбушку родимой земли.
И слышать, теперь виновато,
Предвидя исход этих дней,
Последнее слово комбата,
Последнюю шутку друзей.
И верить, усталость стирая
В тот день незабвенный со лба,
Что эта война мировая
Последней войною была...

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Ал. Михайлову

Его сечет поморский ветер,
И лупит град, и солнце жжет,
Но Петр, лицом суровым светел,
Глядит уверенно вперед.
Что замечает, что провидит
Взор, устремленный сквозь века,
Сквозь сотни будущих правительств?
На шпаге твердая рука.
Край моря с краем неба слиты,
И ясным даль горит огнем,
И солнца крутолобый слиток
Заваливается за окоем.
И в этом городе портовом
Сошлись у пирса корабли,
Как будто по едину зову
Со всех сторон всея Земли.
И в этом факте нелукавом
Он видит дела торжество.
И среди всех держав
Держава —
Россия милая его.

ТАТЬЯНЕ

Свет февральских снегов
Заливает весь свет.
До глубин,
До основ
Проникающий свет.
Свет — предвестник, пророк.
Он движеньем руки
Открывает дорог
Голубых родники.
Свет, волшебник и маг,
Шепчет тихо слова.
Что творится в сердцах
От его колдовства!
Свет на праздничных лицах
И в сердце моем...
И святится
И светится имя твое!

СТИХИИ

О, господи, когда ж затихнет ветер?
Свиристует который час подряд.
Послушаешь — поверишь, что на свете
Возможен рай, когда замолкнет ад.

Что стонет он? Что самовыражает?
Какой тоской смертельной обуян?
В знак пониманья волны поднимает
В пять метров высотой океан.

И вот, обнявшись, две стихии плачут,
Как два достойных друга-алкаша.
Они-то знают, как немало значит
Для мира их смущенная душа.

Но кто смутил и что смутило душу,
Не ведать мне. Но смута их видна.
И не солгу я, если обнаружу —
Моя душа смятением полна.

И как понять великие стихии,
Когда стихийно многое во мне.
И те же волны хлещут гулевые,
И те же ветры свищут в вышине...

О, господи!
Когда ж затихнет ветер!

КОЛХИДА

Древние греки эту страну называли Колхидой.
Здесь аргонавты искали свое золотое руно.
Был и Язон здесь и Одиссей — и премудрый и хитрый, —
Впрочем, об этом Гомер написал в «Одиссее» давно.

Быль или небыль поэт написал — выяснить уже поздно.
Время событий и время поэта бесследно прошло.
Слово осталось. Остались свидетели — белые звезды, —
Вон их к окну моему любопытство опять привело.

Мудрые горы, надвинув на брови свои горностая,
Думают думу великую. Что им людские дела!
Белую мыслью на ближней усталая чайка морская
Вдруг встрепенулась и молча сложила ночные крыла.

Мудрые горы, я чту вашу мудрость и ваши седины,
Ваши вершины не думаю силою мышц покорять.
В мире познания свои белоснежные светят вершины,
Их постигая, смогу я и время и космос объять.

ПРОЩАНИЕ С ГРУЗИЕЙ

Туман выползает ужом из ущелья,
Над морем невидимо стелется грусть.
Я — пленник равнины.
И все же ужели
Сюда никогда, никогда не вернусь?

Как горные воды летели недели,
На камнях крутых не оставив следа.
Мы не были счастливы,
Но неужели
Не вспомнит она никогда, никогда!

На дальний этаж, залетев, свирители
Поют о победе веселого дня.
Старинное, нервное
Слово «ужели»
Которые сутки печалит меня!

И память мою неустанно тревожит
И не покидает, как тягостный груз...
Я создал так мало,
И все же и все же
Ужель над сердцами строкой не прольюсь?

СОЛОВЕЙ

Запоздалая зелень в закатных лучах
Трепыхнулась косынкой на юных плечах.
Средь ее притомившихся тонких ветвей
Сыпанул — притаившийся! — трель соловей.
Молода, до ознобности вся хороша,
Застонала от чуда, почти не дыша.
И застыла. И внемлешь... Но в лад соловью
Различаю певучую душу твою.

Этот серый кудесник, любовь торопя,
Словно свадебной песней увлекает тебя.
И готова идти ты за песней вослед
Сквозь зарю, и сквозь ночь,
И сквозь новый рассвет.

Ах, спасибо, товарищ, за жаркую речь!
Я и сам, если надо, способен увлечь.
Только не соловьиная
Песня на сердце есть,
У меня лебединая,
Неразменная песнь.
Оттого дорожу,
Оттого не маню,
Оттого и храню
Эту песню мою.

* * *

Апрель.
Но блестит алюминий пруда.

И все же весна все свое наверстает.
Смотри,
Как наглядно уже проступает
Коричневым кантом скупая вода!

* * *

Посреди августовской России,
В окруженье дремучих лесов,
В кучку сбились слепые, глухие,
Пять покрытые дранкой дворов.
В избу глянешь,
И на сердце пусто
От ее нежилой пустоты.
За дворами пять яблонек густо
Облепили лесные плоды.
Ах, прохожий! Внимательно глянь-ка
Глазом зорким вокруг:
Все добро —
Два овина, колодец да банька
Пенсионная
На пять дворов.
Как погаснет в мосальской округе
Заревой шелковистый закат,
Соберутся за стол бедовухи,
Три старухи, как триумвират.
И зачнут разговор об Анголе,
О Китае всю ночь говорят,
Но о собственной боли, о горе
С удивительным тактом молчат.
Безработных припомнят, бездомных,
Пожалеют больных и сирот,
Загрустят в тишине, где приемник
Глаз зеленый зажег, словно кот.
Но в воскресные дни этот хутор
Невозможно совсем узнать.
Смех и шум!
Городским ведь не худо
Свежим воздухом здесь подышать.
И тогда наши старые бабки,
Молодеющие на глазах,
Топят печку и топят баньку,
Копшатся в своих погребах.

Беспрерывно они в движеньи
И на стол подают каждый миг
Что-то новое из варений
И солений — даров лесных.
Щедро потчуют старой брагой
И зятей и усатых внучат.
Ну а те сделать лишнего шага
Для себя самого не хотят.
А старушки несут, убирают
(Сколько силы нашлось у них!),
Лишь украдкой слезу сбивают
Со счастливых очей своих.
А наутро, гостей провожая,
Не покажут свою тоску...
И опять тишина вековая
Да отчетливое «ку-ку!».

ЖУРАВЛЬ

Мне первая любовь приснилась!
Каким я гордым с нею был!
Не зная, что судьба явилась,
Я отвернулся от судьбы.
Моя любовь дарила крылья.
Но я был слабым журавлем.
Я падал, землю бил в бессильи
Своим израненным крылом.
Потом лечил...
И годы, годы,
Какие годы тратил я,
Чтоб долететь сквозь непогоду
В обетованные края.
И долетел.
Но боже, боже,
Увидев твой хвалений рай,
Я понял вдруг, что мне дороже
Мой материнский светлый край.
Тогда с отчаявшейся стаей
Вернулся я под отчий кров.
Но если нас земля прощает,
То не прощает нас любовь...
Который год трублю я в трубы,
Но отклика не нахожу.
И понимаю, что нелюбый,
А все кружу, кружу, кружу...

КАКОЙ У МАМЫ ГОЛОС МОЛОДОЙ

Домой иду с работы утомленный,
Гляжу на мир, вечерний и зеленый,
И различаю зреньем долгий ряд:
Как шутят, как грустят, как говорят.
А в сердце с удивленной простотой:
— Какой у мамы голос молодой!

Брожу по скверу с маленькой дочуркой,
Отшучиваюсь от вопросов шуткой.
Она смеется звонко и легко,
Как будто льется стружкой молоко.
А в душу бьет пронзительный прибой:
— Какой у мамы голос молодой!

Ах сколько лет он в пониманье нашем
Был добрым, резким ли, но сгасшим.
Замученный то давнею войной,
То братом, то отцом моим, то мной,
То горькою сердечною бедой:
— Какой у мамы голос молодой!

А вот сегодня с дальнего балкона
Раздался голос, звонкий и влюбленный.
Не сразу понял, что принадлежит
Он матери моей. Взглянул в зенит,
И вдруг вошло с пронзительностью той:
— Какой у мамы голос молодой!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Промчался ветер по садам
И дождь устроил лепестковый.
И сердце, ровное всегда,
Захолонуло чувством новым.
Еще мелодии простой
Душа бесхитростно желает,
Но, словно майский травостой,
Живую влагу набирает.
И руки нежные твои
Еще томятся и тоскуют,
И ожидание любви
Чуть больше, чем любовь, волнует.

* * *

Все чаще думаю о том,
Что я, придя на эту землю,
Подобно молодому стеблю,
Обязан чувствовать листом.

Обязан, впитывая свет,
В согласии с земным законом
Давать другим дышать озоном —
На жизнь, мне данную, в ответ.

* * *

Отдели морские камни от волны,
И они очарованья лишены.
Отдели от слова дело и поймешь,
Отчего еще порой всеильна ложь.
От родной земли поэта отдели
И увидишь — нет поэта вне земли!

* * *

Кричали чайки над Полярным.
На сопках — снега белизна.
Но проникает светом дальним
Сквозь Заполярный круг весна.

Как будто бы твое желанье,
Реализованное в свет,
Преодолев все расстоянья,
Пришло на Кольский
Мне вослед.

И так душе моей приятно,
Что мне природою даны,
А не судьбиною превратной
Твоя любовь
И свет весны.

ДОЖДЬ И ЗЕМЛЯ

Дождь приближался не спеша.
Так мы приходим к нелюбимым
Тоской невыносимо гонимы,
Чтоб отдохнуло тело — не душа.
Земля была довольна им.
И расцветала, освежая краски.
Так расцветает от малейшей ласки
Та женщина, какой не дорожим.

* * *

Этот взрослый и ладный мужчина
С быстрой складкой на горестном лбу
Пробирается через толпу
С тонкой веткой багряной рябины.

Это он, озабоченный встречей,
Ищет взглядом пытливым меня...
Легким шагом осеннего дня
Я иду рядом с ним, незамечен.

В нашей ссоре, сейчас непонятной,
Он, повинный, спешит попросить
Запоздало прощенья.
И все изменить
Хочет брат мой, единственный брат мой.

Но под синими небесами
Мы пространством разделены,
Словно цветом черным войны,
Что навек пролегла между нами.

Вдруг узнал... На мгновение замер...
Я смеюсь. Наклоняюсь к нему...
Но проходит мой брат, как сквозь тьму,
Сквозь меня с огневыми глазами.

ХОД ГОРБУШИ НА САХАЛИНЕ

Густо-густо
Аж по суше,
Аж черно,

Когда взглянуть,—
Шла счастливая горбуша
В свой последний
В жизни путь.

А за нею неотступно
Очарованные шли
Также густо,
Также трудно
В путь последний горбыли.

И какая все же вера
Их настойчиво ведет
Через вилы браконьеров,
Перекат и перемет.

Их клюют разбойно чайки,
Их грабастает медведь,
Поджидает не
случайно
Их расчетливая сеть.

Но идут за стайей стая,
По реке идут вперед
День и ночь, не уставая,
Продлевать горбуший род.

И к истоку приближаясь,
О камня самка трет
Свой живот, бросая завязь
Жизни новой — красный плод.

А горбыль, как замечает
Ту икру, — вперед рывком.
И мгновенно покрывает
Студенистым молоком...

Где найти такое слово,
Чтоб оно смогло воспеть
Ради самого святого,
Ради жизни — эту смерть!

Мы в делах с природой строги.
Над природой мы, как боги:
Что хочу, то ворочу.
Но дает она уроки...
И не все нам по плечу.

* * *

В. В. Довольнову

Дышит печалью осеннее утро.
В поле тоскует забытый стожок.
Сыплется, сыплется сахарной пудрой
Первый сентябрьский неловкий снежок.

Белым покрыты поля покрывалом,
Серое отдано вверх — небесам.
Только рябина — по-грустному алым,
Только трава-изумруд — по глазам.

Краски притушены. Мир в ожиданье
Новых событий, больших перемен,
Что же страшит с неизвестным свиданье?
Кто же так нежно ведет меня в плен?

Я — коренной горожанин с рожденья.
С осенью мы в отношеньях вольны.
Что же тревожит меня ощущение,
Пусть незаслуженной — все же вины?

Словно игрок, что хотел отыграться
На кон все сразу — и не повезло...
Нежную зелень усталых акаций
Всю замело,
Всю замело...

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

И в этих далях, песнями пропетых,
На сто гектаров — соловьиный сад.
В такую ночь рождаются поэты.
В такую ночь поэты не творят.

БАЛЛАДА О СУРОВОЙ НЕЖНОСТИ

А. Балину

На Запад уходил стрелковый полк.
А рядом с ним, таким суровым,
Бежал мальчишка белобровый,
Немногим выше кирзовых сапог.

Он спрашивал солдат:
«Ты — папа мой?»
Ручонками хватал за голенище,
Но с каждым разом безнадежней, тише
Звучало горькое: «Ты — папа мой!»

О, этот голос, хриплый и родной,
От частого повтора монотонный!
А под шинелью бились учащенной
Сердца, ожесточенные войной.

У каждого такой же сын или брат...
С какой печалью их глаза глядели,
Какою нежностью ладони их гудели,
Но пальцы их впились в автомат...

Я детство мог забыть,
Как сон, как небыль,
Но через годы на меня глядят
Глаза солдат, печальные, как небо,
И небо, как глаза солдат.

Но страшно мне в глазах увидеть синих
Живую мысль, забитую войной,
И слышать голос маленького сына:
«Где папа мой?»
Где папа мой?..»

* * *

Когда абстрактно зло — оно не ранит.
Его не переносишь тяжело.
Но вот пустяк: поклеп!
А как тиранит
Еще не развернувшееся зло!

А боль, к которой часто равнодушен,
Чужая боль, не стоящая слез,
Стремительно круша чужие души,
Тебя ударить может...
И всерьез!

И вот тогда-то с горечью момента
Вдруг вспыхнет в сердце запоздалый стыд
И нет абстрактных зол. И все конкретно,
Когда душа о помощи кричит.

ИЗ ЦИКЛА «В ИНДИИ»

I

Уже соединен с твоей судьбой,
Я волновался в ожиданье встречи...
И вот душистою гирляндой увенчан,
Как друг был принят, Индия, тобой.

Благодарю душой за добрый знак!
Входя под лазуритовые своды,
Молю: пусть будут счастливы твои народы!
Да будет так!

II

Под Агрой есть старинный город.
Прекрасен, но безлюден он.
Лишь тенями давно ушедших
Тот красный город населен.
Пройдя сквозь малые ворота,
Я, красотой поражен,
Застыл на миг,
Затем невольно
Взглянул на синий небосклон.
И... видно, облако виною! —
Вдали видение встает:
Пустыня...
Властный шах, вельможи...
И стражей согнанный народ.
Нетерпеливый жест владыки —
И тысячи простых людей,
Как муравьи среди пустыни,
Ему возводят мавзолей.
Гигантские подъемлют стены,
Врагу бойницами грозя,
И минарет встает над ними,
Чист как народная слеза.
Всесилен разум человека.
Тверда строителя рука...
И вот уже синее море,
Рассчитанное на века.
Ликуют трубы властелина.
Ему покорны все и вся.
Он даже небу угрожает,
Но небу угрожать нельзя.

Забыл владыка поднебесной
В гордыне царственной своей,
Что он лишь прах,
Что город создан
Усилием простых людей.
Самум — горячий бич пустыни —
Бесперерывно, день за днем,
Бьет по стенам и осушает
Воды запасы жадным ртом.
От жаркого его дыханья
Живому некуда спастись.
И, задыхаясь, затихает
Столицы шахиншахской жизнь...

Под Агрой есть старинный город.
Прекрасен, но безлюден он.
Лишь тенями давно ушедших
Тот красный город населен.
Но, возвышаясь над веками,
Он утверждает сам собой,
Что тщетна власть,
Что труд всесилен,
Когда оплачен он судьбой.
И я, сын северных раздолий,
Я, написавший этот стих,
Шепчу не имя шахиншаха,
А имена мастеровых.

III

*Субраманье Баради **

Спасибо, поэт Тамилнада,
За мысль, что пронзила предел:
Глубинную суть Петрограда
Ты первым в стране разглядел.

И, сердцем гордясь за свободу,
Предчувствуя свой идеал,
Ты в честь революции оду
В бессмертных стихах написал.

* Субраманья Баради — известный в Индии тамилский поэт, первым воспевший революцию в России.

Спасибо, поэт Субраманья,
Что в горький, безжалостный час
Любовь не отдал на закланье
И честь оскорбленную спас.

Ты понял, как в новой России
Сердца кровоточат от ран.
В защиту ее — огневые
Статьи в «Судесамиттеран».

Спасибо, поэт, за доверье,
За мужество, полное сил.
Ты первый в грядущее двери
Священным «сезам» отворил.

Ты, Баради, в песне крылатой
К свободе страны призывал
И первым великим Махатмой
Великого Ганди назвал.

Спасибо, поэт! Нет чудесней
Судьбы твоей светлой строки.
Нет малых поэтов!
Лишь песни
Поэтов бывают мелки.

Идешь ты широкой планетой,
Шаги, как и прежде, легки.
Нет малых народов —
Поэты
Которых, как ты, велики!

IV

Бесконечные просторы
Солнцем выжженной земли,
На которой наши взоры
Травы редкие нашли.

Беспредельные равнины,
Где случаен водоем.
Буйволов крутые спины.
Пятнами чернеют в нем.

Необъятные пространства,
Где в раскованных умах
Родилась идея братства,
Чтоб взойти в иных краях.

Степь безмерная, в которой
Узнается без труда
Близкое моим просторам
И родное навсегда.

* * *

Как гремит этот кем-то рассерженный гром,
Как небесной клюкою живому грозитя!
Сколько злости!.. Но вот под целебным дождем
Оживает засохшая было земляца.
В этих вспыхивающих молниях среди темноты,
В этой нервной, казалось бы, яростной жути
Столько горестной нежности и доброты,
Понимания столько — к живущим! — по сути.
Много раз надо мной грохотало и жгло,
Голос зла был жестоким и непреклонным,
Но светлел небосвод, но туманилось зло,
И душа вновь и вновь исцелялась озоном.

О ТЕБЕ

Природа с наступленьем темноты
Впадает в сон —
Так подчиняясь ходу
Светил небесных.
Но мою природу
Нежданно изменила ты.

Лепя тебя из мрака и мечты
Таковыми неумелыми руками,
Всю ночь лежу с открытыми глазами,
И кажется: со мною рядом ты.

Но в ночь ползут предвестники беды —
Лучи разлучного рассвета тайно,
И ты прощаешься, и так печально
В молочном мраке исчезаешь ты.

Но вызывая в памяти черты
Своей любви,
Я закрываю веки
И сохраняю все ж тебя навеки,
Хотя и знаю, что бесплотна ты.

* * *

Как встрепенешься,
Кинешься навстречу,
Когда, вдали от Родины своей,
Услышишь нежный звук
Славянской речи
Среди гортанных неродных речей.

И тот порыв
С отчетливостью знака
Вдруг прояснит в далеком далеке,
Как важно то,
Что можно петь и плакать
На материнском милом языке...

* * *

Который год ты ждешь наверняка
Прихода счастья. А оно нейдет.
Трудись! Трудись, как подо льдом река,
И ты к весне взломаешь толстый лед.

* * *

Жене

Когда в горах рассвет меня настиг,
Я счастлив был тогда небеспричинно:
Какое буйство красок в этот миг
Обрушилось на снежные вершины!
А там, где намечался перевал,
Там солнце лик прекрасный поднимало.
Я, видя это чудо, тосковал,
Что это чудо ты не увидала.

Когда летел пустынею тоски,
Которая от зноя бездыханна,
И видел глаз мой голые пески
И редкие сыпучие барханы.
Но вдруг — сайгаков стадо,
Словно вал
Летел густой —
И жизнь торжествовала...
Я, радуясь, неволью тосковал,
Что эту радость ты не увидала.

Когда Великий в сумеречный час
На маленький корабль обрушил небо,
И мы в такой попали перепляс,
В котором я еще ни разу не был,
И так хлестал за шквалом новый шквал,
Что рубку капитана отрывало,
И даже в этот миг я тосковал,
Что бури этой ты не увидала.

Любимая! Одна из новостей,
Что мой восторг исторг там упоенно, —
Неразделенность радости моей
Опаснее любви неразделенной.
Товарищи по сердцу, по уму,
Мы в этой жизни видели немало...
Быть может, и пишу я потому,
Чтоб ты как можно больше увидала.

ТВОЕ ЛИЦО

Шел первый снег большой зимы.
Безудержно, с хмельным весельем.
Дома, как белые холмы,
Толпились в сумраке вечернем.

А юный месяц, как перо,
На темно-синей шапке неба,
А переделкинский перрон
Окутывала молча нега.

И это все в конце концов,
Наверно, было б просто мило,
Когда бы не твое лицо,
Которое все осветило.

Как будто бы на много лет
Явилась ты сказать природе,
Что солнце — бледно,
Месяц — сед,
Когда лицо твое восходит.

* * *

Природа яблоневого цвет
Пером жар-птицы обронила.
Но скромный лепестковый свет
Льет черноплодная рябина.

Но ломится через забор
Сирени радостная сила.
Но — опусти к земле свой взор! —
Бутоны клубника распустила.

А если в небо посмотреть —
Еще вчера там серо было —
Какая яростная цвет
Все небо синим заселила.

И сердце вольное мое,
Уже дымясь от обогрева,
Пусть не надеясь на жнивье,
Всерьез готово для посева.

Так приходи и засевай
И взглядом не томи глубоким.
Прошел апрель,
Проходит май...
Но у любви иные сроки.

И ты, моя печаль, прости
Настойчивые переговоры...
Так хочется цвести, цвести
И радовать людские взоры.

* * *

В преддверии бабьего лета
На землю летят холода,
Штурмует сады до рассвета
Ветров озорная орда.

А тихим, безоблачным утром
Свой взгляд устремляя в зенит,
Ты видишь, как бывшее смутным
Прозрачностью нежной томит.

Качаются кисти калины —
Созвездия новых миров,
Рябина Восток раскалила
Жаровней бордовых плодов.

Заметно, как воздух мгновенья
Полет незатейливый длит,
И смутная радость прозренья
И сердце и мозг тяжелит.

* * *

Я безмятежных дней еще не знал.
От ранних лет, обиженных войною,
До дней, с которых виден перевал, —
Все отдано труду и непокою.

И ты, моя родная, с первых встреч,
Отмеченных неистойвой пургой,
Со мной уже не ведала покоя.
А я тебя обязан был беречь.

И вот сейчас в лазури голубой
Мы к морю мчим, едва земли касаясь.
И столько дней беспечны мы, казалось,
Погружены в медлительный покой.

И никаких волнений и тревог,
И новых бед не может с нами статья...
Но чувствую: струятся из-под ног
Песок ли, дни ли,
Чувствую: струятся!

ДОБРОТА

Нельзя унижаться до мести!

Ни действием вашим, ни взглядом.

Вы мысли об этом отбросьте,
Иначе, погрязнув во злости,
С обидчиком станете рядом.

Нельзя унижаться до мести!

Тем более если когда-то
Вы доброе сделали людям.
Забывчивых — да не осудим!
А мерзости — мерзость расплатой!

Поверьте, на вашем бы месте
Ушел я от этой беды...
Нельзя унижаться до мести,
Имея запас доброты.

РАВНИННЫЕ ЛЮДИ

Мы все же равнинные люди.
Секут нас дожди, холода,
Но сердце в душевной остуде
Не будет уже никогда.

Живем под ветрами раздолий,
Просторны в поступках своих.
В нас столько и света и воли,
Что это смущает иных.

Глаза наши грустны нередко,
Но это не трудно понять.
Ведь мы получили от предков
Глубинную, грустную статью...

Как часто заносчиво-гордо,
Всегда нетерпенья полны,
С востока ли,
С запада орды
За валом катили валы.

Желавшие злата и крови,
Они получали сполна
В сражениях на Куликове,
На поле Бородина.

Вы сами напор их последний
Сдержали с оружием в руках...
Теперь молодой наш наследник
Планетно стоит на часах.

И вырвавшись, словно из буден,
Из цепких объятий Земли,
Смотрите,
Равнинные люди
В равнину Вселенной вошли.

Какое просторное поле
Вселенная дарит сама...
Пусть будет рабочая воля
В согласии с волей ума!

ХАРАКТЕР

На эстонских равнинах
Я характер гранита узнал —
Ломом землю долбил я,
Но крошился в бессилье металл.

В сине-звездных просторах,
Где тоска по Отчизне острей,
Познавал —
Пусть не скоро! —
Своеволие соленых морей.

В небывалых захлестах
На проходке
Ночную Москвой
Понял я, как непросто
Отстоять свой характер мужской.

Но из всех — где резонно
Проявленья характера ждут —
Самый главный:
Бессонный,
Жизнь моя — поэтический труд.

Но когда о невзгодах,
Что мешают,
Заводится речь,
Я характер народа
Вспоминаю, чтоб слабых зажечь.

Против камня он — камень,
Рядом с нежностью — нежен вдвойне,
Закалялся веками,
Как булат на жестоком огне...

За плечами — держава:
Не объехать и не обплыть...
Не имеем мы права
Слабовольными быть!

* * *

Самоотвержен жаворонка взлет,
Когда стремясь к зениту по спирали,
Не для себя он —
Для других поёт...
А соловья вы
В небесах видали?

* * *

Вл. Соколову

Такая скромная природа:
Речушка, холмик, серп леска —
В любое время дня и года
По-матерински мне близка.

Не отведу, потупясь, взора,
Но с беспредельностью друга,
Таким сиреневым простором
Захлебывается душа!

В осеннем, в зимнем ли убранстве
Моей земли прекрасен вид.
Незнакомые мной пространства
Как сказка добрая таит.

И, постигая сердцем дали,
Зовущие за оком,
Пусть восхищенный,
Все ж едва ли
Я позабуду о родном.

И дети будут знать изустно,
Откуда крови нашей ток.
Вот так река, что знает устье,
Не забывает свой исток.

* * *

Время придет, и уйду я в природу.
Людам припомнится: кто же он был?
Скажут, что землю свою и свободу
Как надлежит славянину любил.

Был иногда опрометчив, но, впрочем,
Дело свое досконально он знал:
В юности ранней, когда был рабочим,
Зрелым, когда сочинителем стал.

Не суетился, но все же старался
Большее сделать, чем было в нем сил...
Песней от смерти не откупался,
Болью за честные строки платил.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Какое глубокое небо над милой Отчиной моей...	3
Катунь	3
Всмотрись в этот солнечный полдень...	4
Раздумье о родине	5
Псковский кремль	6
Рябина Победы	6
Ночь ветерана	7
Петр Великий в Архангельске	7
Татьяне	8
Стихии	8
Колхида	9
Прощание с Грузией	9
Соловей	10
Апрель. Но блестит алюминий пруда...	10
Посреди августовской России...	11
Журавль	12
Какой у мамы голос молодой	13
Предчувствие	13
Все чаще думаю о том...	14
Отдели морские камни от волны...	14
Кричали чайки над Полярным...	14
Дождь и земля	15
Этот взрослый и ладный мужчина...	15
Ход горбуши на Сахалине	15
Дышит печалью осеннее утро...	17
Соловьиная ночь	17
Баллада о суровой нежности	17
Когда абстрактно зло — оно не ранит...	18

Из цикла «В Индии»	19
Как гремит этот кем-то рассерженный гром...	22
О тебе	22
Как встрепнешься, кинешься навстречу...	23
Который год ты ждешь наверняка...	23
Когда в горах рассвет меня настиг...	23
Твое лицо	24
Природа яблоневый цвет...	25
В преддверии бабьего лета...	25
Я безмятежных дней еще не знал...	26
Доброта	26
Равнинные люди	27
Характер	28
Самоотвержен жаворонка взлет...	29
Такая скромная природа...	29
Время придет, и уйду я в природу...	30

Анатолий Анатольевич ПАРПАРА

РАЗДУМЬЕ О РОДИНЕ

Редактор М. М. Ж и г а л о в а

Технический редактор О. Н. Л а с т о ч к и н а

Сдано в набор 15.06.84. Подписано к печати 07.08.84.
А 00401. Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Школьная».Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
Учетно-изд. л. 1,50. Тираж 92 000 экз. Изд. № 1146.
Заказ № 2968. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865.
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВИДЫ ВКЛАДОВ

● Если у Вас постоянно возникает необходимость в пополнении вклада или же, наоборот, в получении его частями, Вам целесообразно открыть **ВКЛАД ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ**. Доход по нему выплачивается из расчета два процента годовых.

● **Повышенный доход** — три процента годовых — Вы сможете получить при внесении денег на **СРОЧНЫЙ ВКЛАД**. Такие вклады принимаются на срок не менее шести месяцев. Дополнительные взносы и получение частями, за исключением причитающихся процентов по этим вкладам, не производятся. Если у Вас появится необходимость получить деньги раньше шести месяцев, Вам будет выплачен доход из расчета не три, а два процента годовых.

● Выиграть ту или иную сумму Вам поможет **ВЫИГРЫШНЫЙ ВКЛАД** — удобная и интересная форма хранения сбережений. Доход по выигрышным вкладам выплачивается в виде выигрышей, из каждой тысячи счетов выигрывают 25.

● Если Вы внесете деньги во **ВКЛАД НА ТЕКУЩЕМ СЧЕТЕ**, то сможете распорядиться ими, не заходя в сберегательную кассу. В этом случае Вам выдадут расчетную и чековую книжки. Достаточно выписать чек, и деньги будут выданы лицу, которое указано в чеке. Чек можно также выписать и на предъявителя.

● К Вашим услугам — **УСЛОВНЫЕ ВКЛАДЫ**. При внесении денег на эти вклады оговаривается определенное условие получения их вкладчиками: например, выдать после окончания учебного заведения, достижения вкладчиком совершеннолетия и т. д.

**Российское республиканское Главное
управление Гострудсберкасс СССР**